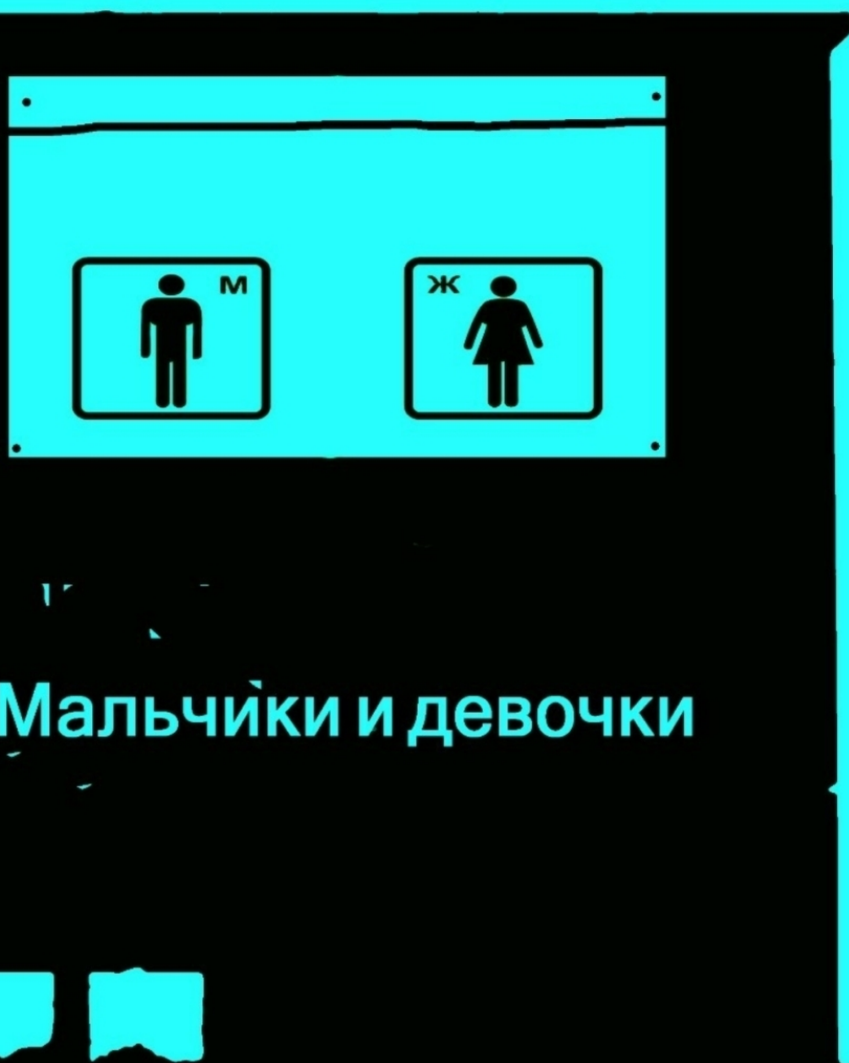

Евгений Асноревский

Мальчики и девочки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Асноревский
Мальчики и девочки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Асноревский Е. Е.

Мальчики и девочки / Е. Е. Асноревский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Сборник концептуально связанных рассказов о белорусской жизни. Перед читателем предстанут, в частности: мальчик сирота, белорусскоязычный милиционер, жена чиновника, учительница литературы, обвиняемая в странном преступлении, шизофреник, разговаривающий с памятниками Ленину, дедушка, живущий в глухом лесу и бездомная девушка. Все эти истории - части пазла, показывающего реальность современной Беларуси. Содержит нецензурную брань.

© Асноревский Е. Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Евгений Асноровский

Мальчики и девочки

Интро

Как-то я – волосатый философ Марк, и один простой писатель – мой знакомец, сидели на заборе. Нам немного мешала колючая проволока, а над нами торчала высокая телебашня. А вот перед нашими глазами маячила старая машина. Прекрасная картина, вообще-то. И вот мой друг писатель спрашивает меня:

- Скажи, Марк, чем мы займёмся сегодня? Мы же не будем снова крутить твои пейсы?
- Нет конечно, – сказал я. – Сегодня я расскажу тебе восемь истерий... ой, то есть историй.
- Так историй или истерий?
- Можно сказать и так, и так, – отвечал я.
- Ну давай, рассказывай, – сказал мне мой друг простой писатель.

Максимка

Здравствуйте, дорогие мои! Кланяюсь всем тем, кто читает эту тетрадь. Зовут меня Максимка Богушевич. От роду мне одиннадцать лет, а родился я в 1907 году, около Гродно. Папа говорит, что я смышлён не по годам и что я должен много читать и учиться красиво писать. Иногда он шутит, что я, быть может, стану писателем. Мне и правда очень нравится писать и от того я решил вести дневник. Для этого дела папа дал мне свою тетрадь. Она очень хорошая и большая. Я думаю, когда-нибудь тетрадь эту кто-нибудь прочтёт и поэтому написал, что кланяюсь тому, кто её читает.

13 декабря, год 1918

Мой папа уже месяц как пропал. Пошёл в лес за дровами, и не вернулся домой. Других родных у меня нет потому-то и отправили меня в приют. Приют этот занимает монастырь святых Бориса и Глеба. Стоит он на горе над самым Неманом, который я очень люблю. Раньше мы ловили в Немане рыбу с моим старшим братом Лёвушкой. Лёвушка говорил, что Неман наш батька, а потом смешно взмахивал руками и повторял очень грозным голосом: «Батька!» Рыбы, бывало, вытягивали много. Однажды словили даже огромную щуку. Говорил Лёвушка, что она полпуда весом. Я так брать её боялся. Очень уж у неё была страшная морда. А Лёвушка смеялся с меня. Лёвушка погиб на войне с немцами. Теперь у меня только папа.

20 декабря, год 1918

В приюте увидел я флаг. Белый, а посередине красная полоса. Висит он на самой бреме. Никогда такого не видел, но мне он чем-то понравился. У нас есть школа, а в ней преподаёт очень хорошая учительница, которую я зову тётей. Тётя Текля Станишевская, которая учит нас в школе, говорит, что это флаг нашего простого народа. Я очень люблю тётю Теклю и боюсь её. Один мальчик сказал мне, что она первая учительница, которая учит на нашей «простай мове». Не знаю откуда он это взял. Должно быть, кто-то из старших сказал ему это. Мой папа говорил, что я должен учиться на нашем языке. А мне очень нравится русский язык, но я согласен с папой, что наш язык нам родной до костей, потому что он от нашей земли и предков.

27 декабря, год 1918

Тётя Текля говорила сегодня в школе, что в город приехал важный человек и он будет теперь главным в стране, в который мы сами будем свободным народом и хозяевами на землях

своих. Его фамилия Луцкевич. Я хочу запомнить эту фамилию. Тётя Текля говорит, что он наш освободитель и пророк. Я не очень понимаю, что такое пророк. Интересно, что сказал бы папа.

29 декабря, год 1918

Мы ходили в город с нашим воспитателем дядей Пашей. Какой-то немец остановил нас и смеялся над нами. Он говорил, что мы маленький народец и мы должны подчиняться немцам, а из-за того, что немцы проиграли войну нас теперь будут делать поляками. Немец только немного знал русский язык и у него получались очень смешные слова. А кроме того, он ещё и картавил. Дядя Паша сказал нам, что мы не поляки и что он бы поляков вешал, а немцев всех до одного расстрелял бы. Он очень разозлился, но быстро успокоился. У него есть маленькая фляжка, из которой он пьёт самогонку и после того как выпьет – сразу успокаивается. Мне кажется поляки неплохие люди, только очень гордые. Там говорил папа.

1 января, год 1919

Справляли в приюте Новый год. Я вспомнил как мы праздновали с папой и Лёвушкой. Тогда папа сам приготовил нам большой пирог и налил самодельного вина. Я очень скучаю по папе.

2 января, год 1919

У нас есть в приюте мальчик по имени Адамас. Фамилия его Казлаускас. Он говорит, что скоро Гродно будет частью Литвы и все мы станем литовцами. Мне он сказал, что у него настоящая литовская фамилия и что моя фамилия тоже станет литовской и я буду зваться Богушавичус. Дядя Паша слышал наш разговор и ответил, что это у меня настоящая литовская фамилия, и что это Адамас должен быть Козловичем, а не я Богушавичусам. Я бы не хотел, чтобы меня звали Максимкас. А мы сами дразним этого Казлаускаса кличкой Мадамас.

15 января, год 1919

Мы гуляли с дядей Пашей по набережной у Старого замка. Там нам встретился какой-то поляк. Они с дядей Пашей разговорились. Поляк этот стал доказывать, что Гродно испокон веков был польским и скоро земля эта опять отойдёт Польше, которая уже собирается с силами, чтобы землю эту окончательно забрать себе. Дядя Паша слушал его и только грозно двигал бровями, а поляк всё говорил. Потом он стал размахивать руками и даже кричать, что и Брест – их город, и что Минск – польский, и далёкий Витебск должен принадлежать Польше, а не москалям. А наш дядя Паша только молча высморкался. Тогда поляк стал говорить, что никаких беларусов нет и что скоро каждый житель Гродно должен будет признать себя поляком, а если кто не захочет добровольно, того заставят. Вот после этих слов дядя Паша размахнулся и ударил поляка в челюсть, от чего тот сразу упал и долго лежал без чувств. Мы принесли из Немана воды и вылили ему на лицо. Скоро он очнулся. Дядя Паша поднял его под мышки, дал ему хлебнуть своего самогона, хлебнул сам, и слегка толкнул поляка в спину, а тот пошёл по набережной; слегка пошатывался и говорил себе под нос: «Курва». Пока мы шли назад в приют дядя Паша кричал, что очень не любит поляков и тогда я спросил его: к какому народу он сам себя причисляет? Дядя Паша не ответил. Тогда я спросил не считает ли он себя беларусом или тутейшим? Тогда дядя Паша сказал, что он поляк. Я подумал, что странно, что дядя Паша бьёт поляков и не любит поляков, но сам поляк, а он, как будто прочтя мои мысли, добавил, что он тутейший поляк, а это что-то совсем другое и очень отличное от просто поляка.

7 февраля, год 1919

Мы ходили с дядей Пашей на Сенной рынок. Там делал выступление какой-то жид в фуражке с красной звездой. Он говорил, что место беларусов в единой семье народов Российской

ской Империи, и что теперь, когда эта империя развалилась, настоящую власть получил простой рабочий народ. Он махал руками и кричал: «Мы славяне! Нас не уничтожить классу грабителей панов!» Людей было много, но они все отходили от жида подальше и делали вид, что его не замечают.

19 февраля, год 1919

Сегодня самый счастливый день моей жизни! Вернулся мой папа! Оказывается, когда он был в лесу, на него напали немцы мародёры и стали требовать денег, а когда он сказал, что у него ничего нет, они его избили, пырнули ножом и сняли с него всю одежду и обувь. Папа думал, что умрёт и уже не увидит меня, но его подобрали какие-то люди из деревни, которая была рядом с лесом. Папа долго болел, а они его выхаживали и сейчас он даже и не знает, как их отблагодарить. Теперь я уже не в приюте, папа забрал меня в маленькую квартиру, которую снял на те деньги, которые заработал до войны. Оказывается, зарыл он их в каком-то лесу.

1 мая, год 1919

Мы с папой живём трудно, но с ним мне гораздо лучше, чем в приюте. Я бы хотел попасть на могилу Лёвушки, но не знаю, где она. Теперь в городе правят поляки, а наша родина теперь Польша.

25 мая, год 1919

Я видел необычный сон. Как будто на месте монастыря в котором был наш приют построили странный дом, с кривыми стенами и статуей коня над входом. Я был внутри и видел, что это похоже на очень большой театр. Я один раз был с папой в театре и мне понравилось. Так вот, в этом театре выступал какой-то человек, а на сцене висел венок с красной звездой. Человек говорил, что главное это братский союз... и тут я проснулся...

2 июня, год 1919

Папа позвал меня и сказал, что раз теперь мы живём в Польше, то должны стать поляками. Он был очень грустным, мне даже показалось, что он может заплакать. Но он не заплакал, а стал говорить со мной про польскую школу. Я не хочу в польскую школу, но раз папа говорит, что мне надо в неё идти, значит – я так и сделаю!

7 мая, год 1926

Я нашёл этот свой старый дневник. Как много времени прошло с тех пор как я писалем в него. Цо ешчэ я мог бы додаць сюда. Старая учительница моя тётя Текля Станишевская – давно умерла. Я после польской школы хочу поступить до польского университета. Хочу учиться в Варшаве. Живём мы с папой неплохо, Польша потихоньку европеизирует наш крэсовы городок. Я хочу положить эту тетрадь в бутельку и выкинуть в Неман. Вдруг кто-нибудь когда-нибудь найдёт эти записи. Какими бы ни были тогда люди, и в какой стране бы ни жили, я мам надею, што они будут любить свои родные места.

Андрейка

(Мой дневник в котором нет дат, так как пишу по памяти и даты не помню)

Дверь в кабинет начальника всегда вызывала у меня уныние. Да-да, один взгляд на её тёмную, вечно грязноватую поверхность, сразу же приводил меня в состояние крайней нервозности. Поэтому я хотел проскочить её как можно быстрее. Негромко стукнув в ненавистную преграду, два раза, костяшками пальцев, я нажал на обшарпанную ручку и решительно вошёл.

- Разрешите, Александр Брониславович, – спросил я, войдя в кабинет.
- Заходи, Андрей. Ну чо, змагар? Уже видел?

Начальник опять назвал меня змагаром. Почти всё управление называло меня так, из-за того, что я разговариваю почти исключительно на белорусской мове. Что тут удивительного? Я живу в Беларуси, я – беларус. Моя мама была учительницей мовы в школе. Почему я не должен говорить на родном языке? Хотя... никто прямо и не говорит, что не должен. Просто все вокруг смотрят на меня, как на пришельца. Да ещё эти шуточки...

- Так ты видел? – повторил свой вопрос Александр Брониславович.
- Что именно?

– Надпись на нашем здании, что! – отрезал начальник.

– Нет. Как-то не заметил. Спешил на дежурство.

– Слева от входа здоровенными буквами написано «Диктатура». – сказал Александр Брониславович, голос которого становился всё сердитее.

– Честно, не видел.

– Ну так сходи и посмотри! Потом вернёшься!

Я вышел из кабинета и пошёл по длинному коридору к выходу из здания. Мой отец был милиционером, как и мой дед. Но может быть мне не стоило продолжать эту традицию? Династия? Ну да... династия. Но когда-то же надо начать новую... Зачем мне это? Просто я с детства мечтал стать милиционером. И вот – стал! Работаю несколько лет. Работа, конечно, не сахар. Как-то я бежал за хулиганом и выкрикивал приказы остановится, а он на суде потом сказал, что не понимал меня так как не знает языка, на котором я ему кричал. Белобрысый белорусский парень по фамилии Андрушевич не знает языка...

Я вышел на улицу и осмотрелся. Слева от входа действительно сияла яркая большая надпись: «Диктатура» выписанная жёлтыми буквами, довольно аккуратно. Я вернулся в кабинет начальника.

– Ну чо видел? – спросил Александр Брониславович, оторвавшись от изучения документов.

– Так точно.

– Я вот думаю, не ты ли это написал, змагар ты наш. А?

– Что? – мой голос звучал удивлённо. – Да как вы вообще можете меня подозревать? Ерунда какая-то. Зачем мне это?

– Так ты ж у нас самый несознательный.

– Это почему же?

– Сам знаешь! – заявил начальник.

– Понятия не имею.

– Ну хватит придуриваться, Астапеня! – прикрикнул полковник. – Ты, *лять, всё понимаешь... А если не хочешь, чтоб тебя, в таких ситуациях, подозревали, то и веди себя как человек, разговаривай нормально...

– А я что ненормально разговариваю? Я что не имею права разговаривать на родном языке, который, кстати, государственный...

– Имеешь имеешь, – прервал меня Александр Брониславович, – я просто тебе по-доброму хотел посоветовать... ну чтоб ты в такие вот ситуации не попадал.

– Да какие такие? У вас вообще никаких оснований меня подозревать нет.

– А вот и есть.

– Нет, нету оснований.

– Ты мне ещё будешь тут пререкаться, стервец! – крикнул начальник.

– Никак нет, – ответил я.

– Короче, ясно всё с тобой... Иди и подумай о своём поведении!

– О чём конкретно подумать?

– Свободен! – гаркнул полковник и я вышел из кабинета.

Надпись закрасили быстро. Но через несколько дней она снова появилась на том же месте, почти такая же, как первая. Большая, сделанная жёлтой краской, надпись: «Диктатура» снова будоражила наше милицееское управление, здание которого раскинулось в центре города на небольшой горке. С утра я был на работе и меня опять вызвали к Александру Брониславовичу.

– Видел? – спросил полковник, глядя на меня исподлобья.

– Так точно, видел.

– Что думаешь?

– А что я могу думать?

– Ты мне дурочка не лепи! – крикнул начальник.

– Виноват...

– Ну, короче, Астапеня, спрошу прямо: ты писал?

– Нет не я, – сказал я твёрдым тоном, глядя полковнику прямо в глаза.

– Хм... А я вот на тебя подумал.

– Это я уже понял.

– Ну раз не ты, то хорошо. Давай тогда займись этим делом. Нужно найти этого художника *лять мать его... Зайди к Коле. Пусть тебе покажет записи с камер. Крутись как хочешь, а найди этого *лять Айвазовского...

– Айвазовский писал морские пейзажи, – сказал я и тут же прикусил язык.

– Ты что ещё и умничать будешь? – кисло ухмыльнувшись спросил начальник.

– Нет.

– Пошёл нахрен отсюда к Коле! – загремел Александр Брониславович, поднимаясь с кресла и быстро краснея.

– Есть! – испугано крикнул я и, чеканя шаг, вышел из кабинета, услышав в спину «Змагар, мать твою.»

– Здорова, Андрюха змагарок, БЧБ не захватил? – сказал Коля, когда я вошёл в его кабинет. – Ты небось насчёт записей с камеры над стенкой, на которой эта хренова надпись, да?

– Да, – ответил я.

– Нет там ничего.

– Как это ничего нет? – пробормотал я. – С крайней камеры должно быть видно.

– Должно, но не видно, – сказал Коля.

– Мда... – сказал я задумчиво.

Через неделю надпись опять закрасили, а ещё через день она появилась снова.

– Ну как успехи? – спокойно спросил Александр Брониславович, но моё привычное ухо различило едва уловимые нотки ярости в его голосе.

– Я... я не знаю... – промямлил я.

– А кто знает? Кто должен, мать твою, знать, – заревел начальник. – У Коли был или бегал на митинг с БЧБ?

– Так точно, был, – ответил я.

– И что? – спросил полковник.

– Ничего. На записи ничего нет.

– Мать вашу, да как на записи может ничего не быть, если крайняя камера захватывает эту стенку, а?

– Я... я не знаю... – пробормотал я.

– Тридварасы, мать вашу, – бушевал начальник. – Ладно, я кое-что придумал, – сказал он немного успокоившись.

Через день над тем самым местом, которое облюбовал для себя неугомонный художник, поставили ещё одну камеру. Надпись успели закрасить за два дня до этого. Однако через несколько дней она появилась вновь, а Коля доложил, что и новая камера не смогла зафиксировать неуловимого любителя жёлтой краски.

– Ты мне положишь удостоверение на стол, змагар! – угрожающе прошипел полковник, когда я снова вошёл в его кабинет.

– Да за что? – почти выкрикнул я.

– А за то, змагар, – отрезал Александр Брониславович.

– Да я ведь не виноват... Что я могу сделать?

– Кое-что можешь, твою мать, – сказал полковник, слегка постукивая пальцами по столу и довольно улыбаясь. – С сегодняшней ночи будешь дежурить в машине и подкарауливать этого Айвазовского...

– Айвазовский... – начал было я.

– Что? Что ты там хотел сказать? – спросил Александр Брониславович, слегка приподнимаясь в кресле.

– Нет, ничего, – ответил я и опустил глаза.

– Вот так лучше, – заметил начальник. – Можете идти, Астапеня.

Три следующие ночи я дежурил в машине, запаркованной неподалёку от стенки, на которой периодически красовалась жёлтая надпись. Было очень тяжело, но я добился результата! Надпись не появилась.

– Ну вот видишь, Андрей, – сказал Александр Брониславович, – есть результат. Может оставить тебя дежурить ещё на месяцок?

– Но... – начал было я.

– Ладно уж, – сказал полковник и рассмеялся. – Вижу, что ты еле на ногах стоишь. Можешь отоспаться. Скачи домой, как эта ваша Павоня.

– Пагоня! – поправил я.

– Свободен! – сказал полковник и махнул рукой.

Я вышел из кабинета. А через два дня жёлтая надпись: «Диктатура» снова виднелась на стене управы. Она казалось даже немного большей, чем предыдущие. Я был в ужасе предвкусывая, что теперь сделает со мной начальник. Но меня никто не вызывал. Всё было тихо. А ещё через несколько дней к непобедимому жёлтому слову, которое почему-то не стали закрашивать, прибавилась более мелкая и корявая надпись, сделанная красной краской. Это было одно слово: «Пролетариата».

– Диктатура пролетариата! – прочитал вслух Коля, стоя рядом со мной возле расписанной стенки.

– А почему не закрашивают? – спросил я.

– А зачем? – ответил вопросом на вопрос Коля. – Это одну диктатуру нельзя, а диктатуру пролетариата – можно. Одно слово похоже на одну рюмку – мелочь, а может всё поменять, – добавил он и поднёс ко рту сигарету.

– Слушай, Коля, что это всё значит? Ты же завед�ешь камерами. Ты же понимаешь, что такого не может быть, чтобы надпись появилась, а того, кто это писал – на видео не было.

Коля немного помолчал, а потом посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

– Ну да, я действительно заведу камерами, так что если я сам с этими записями поколую, то и концов нет. Был человек на видео и сплыл.

Коля расхохотался, глядя на моё недоуменное выражение *лица*.

– Но... зачем тебе это? – спросил я растерянным тоном.

– Ну так это же я и писал на стене, – ответил Коля.

– Ты? – шёпотом проговорил я, широко раскрытыми глазами глядя на него.

– Я! Тебе вот, признаюсь. Потому что ты, можно сказать, мой герой.

– Но зачем ты это делал?

– Ты говоришь на родном языке, а я на нём пишу, – ответил Коля и глубоко затянулся сигаретой. – Я вообще с детства люблю похулиганить. И Купалу тоже очень люблю. И Богдановича люблю, больше всего, кстати. И тебя тоже люблю. Нас тут таких вся управа, кроме начальства. И мы все тебя любим. А насмехаемся, чтобы на нас не подумали... ну что тебя поддерживаем не подумали. Может быть и не надо было мне признаваться. Но ты же меня не выдашь, правда?

Я стоял молча, осмысливая информацию.

– А зачем ты дописал «пролетариата»? – через минуту спросил я.

– Так это не я, – ответил Коля. – Это Александр Брониславович. Сам потихоньку накалякал ночью. Выкрутился-таки, хитрован, – добавил Коля и рассмеялся.

Наташка

2006 г.

Я не вела дневник с моих пятнадцати лет. А сейчас мне (страшно писать даже) уже двадцать пять. Хотя... Не стоит тут врать хотя бы самой себе. Мне даже чуточку больше, чем... двадцать пять... Ладно... хватит про возраст. Что же мне ещё такое тут написать? Пожалуй, начну с начала. Я хочу тренировать эту их мову. Ну белорускую. Говорить у меня получается совсем плохо, но писать могу немножечко получше... Поэтому этот дневник будет строго на белоруском. Это я себе обещаю. Честное слово! О! Кажется, пришёл Антошик. Продолжу потом.

Сделала Антошику обед. Люблю его... бубачку. Так вот! Я хочу тренировать эту их мову, потому что боюсь Этих. Их всё больше вокруг и как-то мне стало казаться, что они могут взять и... ну... как бы это написать то... В общем, боюсь, что они станут управлять, а не мы. Мой Антошик работает на должности, ну и я при нём – помогаю. Быть женой чиновника нелегко, хотя все думают, что очень даже легко. Ну я ещё дальше напишу о своих трудностях.

Я пыталась уговорить Антошика тоже учить эту их мову. Но он пока упирается. Хотя говорит, что и так её знает. Я попросила его поговорить. Он сказал мне: «Я очань добра владзею мовай майго народа, но счытаю, што патрэбна уважаць права людзей, якія хочучь гаварыць па русску, тем больш, што гэта гасударственный язык». Мне кажется у него получилось не очень хорошо. Так что буду пытаться его заставить учиться.

Антошик купил мне Victoria's Secret!!!! А-а-а-!!!! Я просто счастлива. Сказал, чтоб я только отцепилась от него со своей мовой. Ну так и быть, ради такого можно и отцепиться. Побегу мерить.

Я разочарована. Эти трусы так режут мне задницу, что я просто не могу нормально ходить. Да и лифчик мне маловат. Но они такие красивые!!! Что же делать? Как вот решить такие проблемы? Как обидно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.